

ПОПУЛИЗМ КАК ДИСКУРС ВЕНГЕРСКИХ ЭЛИТ

Андраш Бозоки

Популизм, ранее являвшийся отличительной чертой венгерского движения «популярных писателей» и прошедший через всю культурную традицию 20 в., за последние десятилетия проявлялся в разных обликах. Популистские идеи и политики никогда не имели возможности обеспечить возникновение политической альтернативы в условиях тоталитарной или авторитарной диктатуры. В конце 1980-х — начале 1990-х судьба этих политических идей не была до конца ясна. Кроме того, его форма — политическая идея (центризм), политический стиль или политический прием, подходящий для любой цели, — также оставалась неясной. Недавно популизм вернулся в качестве элемента националистского «пакета» неолиберальных экономических политик.

Что касается его природы, популизм породил множество радикальных идей. Некоторые воспринимают его как идеологическое прикрытие фашизма или крайне правых взглядов, другие считают его статистом экономической политики, который появляется не только с правой, но и с антилиберальной левой стороны. Существует мнение, что популизм — это довольно безобидное явление, т.к. демократия невозможна без некоторых его элементов, таким образом, популизм — это просто демагогический способ изложения, политический стиль. Попытки оценить популизм оказались такими же неоднозначными, как и попытки описать его, предпринимаемые как политиками, так и наблюдателями.

Ниже я предложу типологию венгерского популизма:

1) как смеси национализма и социализма в период между войнами;

2) как культурный национализм коммунистического периода;

3) как формы дискурса политических интеллектуалов во время и после переходного периода;

4) как формы антиглобалистского дискурса на рубеже тысячелетий;

5) как смеси национализма и неолиберализма «новых правых» в ходе недавнего экономического кризиса.

Введение: рождение венгерского капитализма и общественное недовольство

Развитие венгерского общества формировалось сверху и из-за рубежа и казалось довольно запоздалым по сравнению с западной модернизацией. Разгромленная венгерская революция середины 19 в. не смогла добиться национальной независимости. Вначале страна являлась частью Габсбургской монархии, а после компромисса с Австрией 1867 г. стала равноправной частью Австро-Венгерской монархии. В период с 1867 по 1914 г. экономика страны стремительно развивалась, расширялась сеть железных дорог, Будапешт превратился в мегаполис. Чешские и немецкие высококвалифицированные рабочие, а также эмигранты из среды евреев-торговцев играли важную роль в экономическом расцвете страны. Возникла городская буржуазная Венгрия, резко контрастировавшая с отсталым сельским крестьянством. Тем не менее, если сравнить аристократию и нарождающуюся буржуазию, первая все еще принимала важные решения, но не знать создала буржуазный менталитет, а менее многочисленная буржуазная страта уподобилась аристократии¹. Ассимиляция в Венгрии была синонимом принятия ценностей и

установок среднего класса аристократии как сословия. Таким образом, обуржуазивание, капиталистическое развитие и разнообразные новшества противопоставлялись «органически» развивавшемуся характеру венгров. Носители венгерских ценностей зачастую сравнивали их с ценностями буржуазно-европейскими. Элементы программы «Отечество и прогресс», разработанной в эпоху реформ — в первой половине 19 в., были просты настолько, что их было нетрудно развернуть друг против друга. Настоящий «патриот» с подозрением глядел на «еврейский» капитализм, в то время как представители развивающегося класса капиталистов обращали мало внимания на проблему национальной независимости. Будапешт имитировал Париж, его космополитичная атмосфера становилась все более чуждой отсталой сельской местности, считавшейся провинцией в столице.

Социально-демократическая партия того времени была таким же городским явлением, как и представители буржуазных политических партий, следовательно, не было никакой возможности направить и снять социальную напряженность, накапливавшуюся в сельской местности. Забастовки уборщиков урожая, имевшие место в 1890-х, и движения малоимущих крестьян следовали друг за другом на равнинах с незначительными перерывами. В аграрном движении 1897–98 гг. были задействованы десятки тысяч человек, которые были настроены против крупных помещиков в той же степени, что и против капитала и социальной демократии. Политический подъем этой страны, зажатой в равной степени политикой аристократии и либералов. Таким образом, многочисленная аграрная партия не могла развиваться в Венгрии. А та партия, которая все же возникла, представляла интересы мелких землевладельцев и со временем утратила свою социальную актуальность и, следовательно, значение, заигрывая с

аристократией. Малоимущее крестьянство обратилось к религиозным сектам, оправдывавшим принципы анархизма, и вместо принятия еще одной попытки к выражению политической воли отвернулось от политики².

1. Популизм как смесь национализма и социализма: межвоенный период

Мировая война означала конец гегемонии либерализма и консерватизма, по всей Европе возникли новые коллективистские идеологии и движения (в некоторых случаях заменившие собой старые) — национализм и социализм. Первая мировая война и ее трагическое завершение, лишившее Венгрию двух третей ее территории, глубоко потрясли все слои общества.

Один из первых заметных венгерских идеологов популизма Дежё Сабо трактовал начало войны как «падение индивидуализма». Согласно ему, либерализм впал в грех пренебрежения коллективной идентичностью, и война была карой за это³. Идеологи либерализма были вынуждены уйти в оборону, сначала от социалистов и синдикалистов, а затем националистов. После революции 1918 г. социально-либеральное правительство не могло снять напряжение, возникшее в результате поражения в войне. Хотя оно и пыталось проводить радикальную социальную политику, оно оказалось слишком слабым, и на четыре месяца переходного периода к власти пришли коммунисты. За падением коммунистической диктатуры осенью 1919 г. началось восстановление «христианско-национальной» идеологии. Правящие круги обвиняли либерализм в развязывании войны и временной экспансии большевизма. Таким образом, умеренный либерализм, существовавший до 1914 г., вернуться уже не мог. Новый курс (в восточно-европейском понимании данного термина) характеризовался консервативной, авторитарной и реваншистской политикой. В отличие от пе-

ронизма, режим Хорти не мог и не намеревался задействовать антилиберальные демократические силы. Политически активная часть венгерского общества раскололась надвое: наряду с необарочным национально-историческим обществом существовало более слабое буржуазное общество, сформировавшееся в период капиталистического роста. Кроме того, существовало и многочисленное необразованное крестьянство, лишенное политического представительства и одинаково презираемое аристократией и буржуазией⁴.

В 1920-х гг. идеологи венгерского популистского движения (*népi*) поняли, что для усиления собственного влияния им необходимо объединиться с представителями национального и социального радикализма. По их мнению, обе революции (буржуазная в 1918 и большевистская в 1919 г.) не достигли успеха, поскольку несли заряд социального, но не национального радикализма. К тому же возрождение освободительных движений против социального гнета было возможно только при условии их открытости нации, а точнее, народу. Такое обновление должно было быть инициировано угнетенной стратой — крестьянами, — которой отводилась роль будущего среднего класса Венгрии (т.к. существовавший средний класс имел чужеродное происхождение), и этот верный народу новый класс должен был стать мотором социальной трансформации. Крестьянство — это народ, а народ должен быть тождественен нации. Эта программа была разработана Дежё Сабо в начале 1920-х гг. в серии статей, озаглавленной «К новой венгерской идеологии»⁵.

Движение популистов состояло из последователей Дежё Сабо, Ласло Немета и Дьюлы Иеша, и хотя среди его членов были и люди крестьянского происхождения, оно оставалось группой интеллектуалов среднего класса. Писатели-популисты 1930-х гг. были своего рода венгерскими народникам, ко-

торые, подобно их российским предшественникам, видели свою миссию в «хождении в народ» и освещении проблем сельской Венгрии — спада населения, распространения религиозных сект, бедности и вопроса земельной собственности. Они надеялись добиться реформы правительственной политики, честно рассказав о жестокой судьбе крестьян⁶. Их намерения не были воплощены в реальность, даже несмотря на то, что писатели-популисты лично связывались с представителями правительственных кругов. Позднее одни из них примкнули к крайне правым, а другие — к крайне левым (нелегальной Коммунистической партии), но ядро группы писателей не распалось и основало в 1938 г. Национальную крестьянскую партию. Эта партия по причине ее интеллектуальности так и не добилась значительного влияния и после 1945 г. стала близким союзником коммунистов.

Критики данного движения в 1930-х гг. называли эту инициативу не популистской, но *völkisch*, что в контексте немецкого нацизма ассоциировалось с антисемитизмом⁷. В то же время симпатизировавшие популистскому движению подчеркивали плебейскую, радикально-демократическую природу движения, а также ее социальную актуальность⁸. Поскольку данная работа не ставит целью подробно⁹ рассмотреть разногласия популистов и урбанистов, я остановлюсь лишь на вопросах, связанных с природой популизма.

Основной вопрос заключался в том, возможно ли единение политической демократии и социальных реформ. Возможно ли социальное равенство без демократии? Приемлемы ли попытки авторитарной системы по проведению реформ? Те, кто мыслили в рамках дихотомии демократического левого и правого крыла, отказывались сотрудничать с представителями режима, заявляя, что «ни самоуправление, ни социальный прогресс невозможны без личной сво-

боды»¹⁰. Тем не менее система координат популистов делилась не на «право» и «лево», а, скорее, на «верх» и «низ». Поэтому в поиске вертикального альянса классов они были более склонны к компромиссу с авторитарной властью, чем мыслители-урбанисты, которых они называли доктринерами¹¹. Они верили в то, что людей надо освободить от их угнетенного состояния, а вопросы «догматизма» сторон считали второстепенными. Несмотря на то, что многие исследования проводят четкую грань между правым и левым популизмом¹², популизм в целом характеризуется отказом от этой дихотомии и является смесью левых и правых взглядов. Даже в преимущественно левой популистской риторике можно найти отсылки к нации, а в преимущественно правой — социальные аспекты.

В то время как венгерское движение популистских писателей считало решение крестьянского вопроса ключевой задачей, его отношение к обуржуазиванию крестьянства было довольно амбивалентным. Кроме стремления к демократизации, оно имело и довольно романтическое желание сохранить некоторые черты крестьянского быта и, более того, положить в основу венгерской социальной демократии подобный образ жизни, который считался более «глубоким», чем его западноевропейские аналоги¹³. Акцент на национальных и социальных аспектах стал основополагающим для многих последователей как радикально правых расистских, так и радикально левых коммунистических идей. Характерно, что в Восточной Европе популистские движения были более популярны среди протофашистов и коммунистических групп, чем среди либералов, социал-демократов и стоявших у власти национал-консерваторов. Последние высказывали опасения по поводу этих движений. Тем не менее для коммунистов появление популистских движений представляло возможность будущего альянса между рабочим

классом и крестьянством в духе ленинской революционной стратегии и политики альянсов. Фашисты относились к ним как к естественному продолжению правых движений аграрных обществ, которые обратились против чужаков, символизировавших космополитизм, в особенности против евреев, через идеализацию крестьян¹⁴. Отношения между венгерскими крайне правыми и движением писателей хорошо иллюстрирует следующий факт: первые критиковали движение писателей-популистов за акцентирование проблемы земельной реформы в ущерб привлечению внимания к еврейскому вопросу. С другой стороны, большинство популистов, не воспринимавших социальные реформы в контексте спасения расы, чувствовали, что крайне правые намеренно отвлекали внимание от по-настоящему важной проблемы — земельной реформы¹⁵.

Во время войны в Венгрии не могло появиться популистское правительство по следующим причинам. Правительство — за исключением председательства Дьюлы Гёмбёша, когда представлялись интересы низов среднего класса, — не было склонно прислушиваться к исходящим снизу демократическим требованиям.

Инициативы снизу и возникающая социальная напряженность подчеркивались политическими силами, которые были слишком радикальны для участия в организации более широкой социальной коалиции.

Средний класс был слаб и малочислен: большая его часть пошла на компромисс с режимом Хорти из национальных настроений, его буржуазные группы по причине еврейского происхождения были вынуждены принять оборонную позицию против представителей режима, а их изолированность не позволяла им вступить в коалицию.

Крестьянство было зажато на нижней ступени общества и по этой причине не имело возможности выразить

свои интересы или вступить в политический альянс. Писатели-популисты пытались сократить этот социальный разрыв, но они не обладали должным влиянием: ни один из политических классов режима Хорти, ни национальный средний класс, пошедший на компромисс с режимом, ни изолированная буржуазная стра-та, ни даже само крестьянство не могли быть ими мобилизованы. Таким образом, основной функцией их работ оставалась поддержка социального самосознания.

2. Популизм как культурный национализм коммунистического периода

Поражение во Второй мировой войне, краткий период демократии и воцарение коммунизма в 1948 г. кардинально изменили структуру венгерского общества. Аристократическая элита была уничтожена, большая часть буржуазного среднего класса погибла во время войны. В 1940-е гг. многие представители обеих страт эмигрировали. В ходе земельной реформы 1945 г. более одного миллиона крестьян получили земли, которые впоследствии были отданы колхозам. Многочисленные малоимущие крестьяне были вовлечены в принудительную индустриализацию. «Мягкая диктатура» реформаторской политики Яноша Кадара в 1960-х гг. смогла заставить общество смириться с потрясениями 1940-х и 1950-х гг. Вопросы, поднимаемые писателями-популистами (землевладение, нищета на селе), потеряли свою актуальность.

Популистская мысль тем не менее приняла культурную форму, близкую к литературе, и в то же время сослужила хорошую службу противникам реформ, критикуя западническую модернизацию и общество потребления. Она сыграла определенную роль в возрождении национальных традиций, а в качестве нового элемента привлекла внимание к проблемам венгерских меньшинств, проживающих за рубежом. Таким образом, предпринималась попытка сделать популистское культурное наследие нацио-

нальным, а также остаться верным идее центризма, что в современной интерпретации означало в равной степени отторжение западного либерального капитализма и восточного интернационального коммунизма. Популисты считали интернационализм общей чертой обеих систем и, подобно новым левым, осуждали как влияние западных многонациональных концернов, так и силовую монополию систем советского типа. Обе системы они расценивали как иностранный гнет. Коммунистическая культурная политика 1970-х, связанная с именем Дьёрдя Ацеля, пыталась использовать их возрождение в целях разделения оппозиции — утверждалось, что прозападно и популистски настроенные критики режима не могут иметь общей основы, т.к. «урбанисты» были евреями, а популисты нет. Такая пропаганда вполголоса, усиленная популистами в период системных изменений¹⁶, снова сделала антисемитизм и конфликт между евреями и неевреями политическим (хотя и не столь очевидным) вопросом. Это было анахронизмом для молодых поколений, выросших при системе Кадара и знавших о «еврейском вопросе» и конфликте популистов и урбанистов только из книг по истории¹⁷.

3. Популизм как дискурс литературных интеллектуалов, пришедших в политику в переходный период

Во второй половине 1980-х гг. критика популистских истоков сменилась организацией политических движений, сопровождаемой плюрализацией интеллигенции и общества¹⁸, а также учреждением Венгерского демократического форума (ВДФ), возникшего в качестве интеллектуальной группы в Лактиелеке в сентябре 1987 г. и через год ставшего политической организацией. Отвергая «ярлык как проправительственной, так и оппозиционной организации, а также необходимость выбора»¹⁹, форум изначально не функционировал в качестве

партии, тем не менее ему удалось объединить группы довольно широкого спектра. Популистское мышление развилось из чисто культурных форм и вновь возшло на политическую сцену. Оно вернулось при таких исторических условиях, когда его влияние могло во много раз превзойти воздействие бывшей Национальной крестьянской партии. Исчезновение советского гнета, возвращение национального суверенитета, кажущаяся «бесклассовость» эпохи Кадара, стремление к обществу благосостояния и дефицит новых политических идей, по-видимому, способствовали появлению убеждения, что пришло время для возрождения популизма.

Тем не менее к этому времени антикапитализм поздних последователей писателей-популистов плохо сочетался с обуржуазиванием большей части венгерского общества. Таким образом, они стояли за романтизм, уважение к традициям, нравственность и национализм — в дополнение к требованиям экономической демократии и социальной защищенности²⁰, которые восходили к популизму. Адепты центразма, стартовавшие с левых позиций, объединились для успеха на выборах с теми изначально правоцентристскими политиками от консервативной аристократии, чьи предшественники были противниками популистской интеллигенции 1930-х²¹. Национальный вопрос, как особая форма популярного радикализма, стал общим знаменателем их союза. Это политическое изменение, очевидно, исходящее от популизма и слившееся с умеренной идеей «спокойной силы», весьма успешной в среднем классе, обеспечило успех ВДФ, на выборах преобразовавшегося в партию. Глава партии консерватор Йозеф Анталл стал премьер-министром. Хотя понятие о нации, характерное для консерваторов и популистов, изначально различалось: консерваторы мыслили в категориях исторически сложившегося национального государства, а попу-

листы — в контексте культурной нации, они все же сблизилась в плане моральной трактовки государства. Их целью было представить всю правую часть политического спектра (от центра до радикалов) как одну большую партию, но их сотрудничество оказалось недолгим.

Трудности экономических преобразований, растущая безработица и упадок части среднего класса усилили социальную неудовлетворенность. Голос радикализма зазвучал громче в дебатах по поводу законопроектов о «восстановлении справедливости», компенсаций и возвращения собственности церкви, заглушая голос сторонников «спокойной силы». Иштван Чурка и его движение использовали эту ситуацию для запуска кампании в духе крайне правых против профессиональных политиков партии, а таким образом и против демократической системы в августе 1992 г., что привело к самому тяжелому кризису в истории ВДФ. В своем манифесте Чурка требовал, чтобы проникнутое «национальным духом» крыло ВДФ (в сущности, правые радикалы) свергло «либеральное» правительство Анталла, уличаемое в приверженности к «политике пактов», а также разрешало политические конфликты силой, а не компромиссами. Чурка представил теорию заговора, при помощи которой он объяснял, почему не были решены «вопросы венгерской судьбы», утверждая, что оппозиция была связана с западными либеральными финансовыми кругами, которые — будучи евреями — финансировали представителей коммунистической номенклатуры. Их общей чертой была чуждость венграм в отличие от «национального среднего класса, коренящегося в народе», воссоздающего самого себя, поэтому они были не в состоянии понять проблемы венгров даже при всем желании. Все это служило для оправдания отказа национал-популистских сил от компромисса²².

Тем не менее Чурке не удалось таким образом заручиться поддержкой

среднего класса, для которого ценности буржуазного благосостояния были куда более привлекательными, чем охота на ведьм. В своих поздних работах Чурка не преследовал цели создания национального среднего класса, а пытался, скорее, мобилизовать «сердитые труппы»²³. Тем самым он пытался вернуться к идеям писателей-популистов, обращенных к угнетенным, в отличие от популизма среднего класса, развиваемого Дежё Сабо. Хотя Чурка тонко чувствовал растущее в венгерском обществе неравенство, он неверно оценил свои возможности мобилизовать находящихся на периферии при помощи антиэлитизма и национализма. Таким образом, он стал представителем правого радикализма, венгерским Ле Пенем. В своих работах он прошел путь от антикоммунизма²⁴ до всесторонней воинственной критики либерализма²⁵.

В целях снять социальное напряжение настоящая популистская политика будет скорее стремиться найти такую политическую альтернативу, которая может быть реализована (или, по крайней мере, будет внушать доверие), чем пытаться привить населению вымышленные политические идеи. Несмотря на все свои качества, Чурка не смог стать политиком популистского толка, т.к. для реализации его программы не хватало предпосылок популистской политики «аргентинского типа». Большинство безработных были неквалифицированными и, таким образом, находились в куда более невыгодном положении. В Аргентине популистская политика правительства утвердилась в результате коллективного действия многочисленных, мобильных и квалифицированных групп эмигрантов и других категорий населения. В Венгрии же аналогичные группы и не думали об изъяснении своих политических интересов. Они, скорее, видели своей целью разработку индивидуальных стратегий или в отдельных случаях защиту своих экономических интересов. Более пожи-

лые и менее квалифицированные поворачивались спиной ко всей системе политических институтов.

Успешные политики популистского толка популярны, их легко понять, и более того, за их политическим продвижением могут следовать целевые массы. Они говорят то, что люди хотят услышать, им необходимы гибкость и прагматизм. Хотя Чурка оценивал ситуацию в обществе в популистском ключе, его политические цели были слишком радикальными и мессианскими для основной социальной страты. По этой причине его идеи были скорее изолирующими, нежели открытыми²⁶. Он придерживался популизма «старой школы», сформулированного интеллектуалами от литературы, которые к тому времени уже потеряли свою привлекательность.

Несмотря на порой сомнительный законный статус²⁷ нового венгерского демократического режима, возможности как национальной (преимущественно правой), так и социальной (преимущественно левой) популистской политики оказались ограниченными в первой половине 90-х гг. Одной из причин тому было наследие «мягкого коммунистического прошлого» режима Кадара, а другой — более общие экономические и политические характеристики, такие как:

- при режиме Кадара большинство представителей венгерского общества следовали индивидуалистским стратегиям выживания, становясь все менее восприимчивыми к политической демагогии;

- после падения коммунизма численность групп населения, которому нечего было терять, была ограничена, их жизненные условия ухудшались, поэтому они не имели возможности выступить в поддержку таких политических инициатив;

- политические системы, привлекательные для масс и использующие понятие справедливости, были представлены в Венгрии в радикальных формах

(фашизм, коммунизм) и стали причиной значительной отсталости страны. Воспоминания о них были живы еще долгое время. После 1989 г. Венгрия была скорее пост-, чем предпопулистским обществом²⁸;

— в мягкой диктатуре эпохи Кадара возникли существующие и по сей день неформальные связи, которые могли гарантировать достижение интересов и компенсацию потерь, понесенных в ходе экономической трансформации;

— в первые годы коммунистического правления в Венгрии — в 1950-х — общество имело возможность увидеть все недостатки «культы личности» и начать скептически к нему относиться. Относительная популярность Кадара была результатом того, что он выступал против такого культа;

— небольшая территория страны и ее зависимость от мировой экономики оставили мало шансов для экономического национализма — одной из черт популизма. Широкие слои венгерского общества не видят никакой альтернативы западным демократиям благосостояния. Трудно ожидать протестов против проникновения западного капитала в венгерском обществе — люди хотят получить свою долю материальных благ;

— во время и некоторое время после смены режима интеллигенция, преданная идеалам демократии и автономии индивида, имела весьма значительное влияние;

— для ключевой социальной страты, способной принять участие в конфликте, понятия капитализма и демократии были нераздельными. Отсутствовал слой общества, способный породить популизм латиноамериканского типа, объединиться и выступить с требованием демократии и авторитарного патернализма;

— популизм, как правило, развивается там, где многочисленные социальные группы уверены в наличии значительных благ для дальнейшего распределения и надеются, что, изменив внутренние про-

порции общественного перераспределения, они могут оказаться в более выгодном положении. В Венгрии такой уверенности не существовало;

— характерная черта либерализма — осознание роли государства, в Венгрии такое осознание и вытекающие из него ожидания не имели места. Даже если бы они существовали, слабое государство, отягощенное долгами, не смогло бы такие ожидания оправдать;

— парадоксально, что довольно сильные антиправительственные настроения в венгерском обществе 1990-х гг. не только подорвали доверие к новой демократии (которая не существовала бы без принятия авторитета государства), но и воспрепятствовали развитию популизма;

— в дальнейшем развитие популизма сдерживалось тем печальным фактом, что группы населения, отворачивающиеся от политики, отставали от текущих процессов и даже формировали гетто, таким образом, их невозможно было мобилизовать никакой политической пропагандой, в т.ч. популистской.

Ситуация начала меняться с введением жесткой экономики в 1995 г., которая связана с именем Лайоша Бокроша, последователя идеи шоковой терапии. Вначале недовольные слои населения, приближавшиеся к черте бедности, ориентировались в меньшей степени на правых радикалов и в большей — на социалистов старого толка. Таким образом, своеобразная смесь правых и левых идей, проникающая сквозь классовые границы, приобрела определенное влияние. В 1998 г. во время предвыборной кампании Фидес — Венгерский гражданский союз и Партия независимых собственников полагались на слои, восприимчивые к политике популизма.

4. Популизм как антиглобализм и антилиберализм

По стилю и политической тактике Йозефа Тордьяна, главу Партии собственников в 1990-х гг., можно назвать

идеальным и типичным политиком-популистом. Несмотря на то, что Тордьян был превосходным оратором, настоящим демагогом в исходном значении термина, замечательно владевшим «простым языком». Его сравнительно небольшой успех объясняется недостатками политической стратегии и программы — он выступал за полную денационализацию и против преследования (предположительно) иностранных интересов в обороне страны. Его основной целью было привлечение сторонников любой ценой²⁹, и его не обремененные содержанием громкие обещания казались попросту нелепыми. Его партия была партией «ностальгии», которая не могла привлечь сторонников из других социальных групп, кроме как пожилых необразованных сельских жителей и фермеров. Методы, при помощи которых Йожеф Тордьян расширял свою электоральную базу, сильно напоминали стратегические шаги президента Перона в Аргентине сороковых годов. Его жена, актриса по профессии, пыталась организовать Партию Тордьяна, а Агнеш Мацо, идеолог популизма и мать пятерых детей, называвшая себя «представителем народа», стала лицом движения³⁰. По сравнению с Пероном его возможности были ограничены, тем не менее ему удалось оставаться одной из ключевых фигур посткоммунистической эры на протяжении 12 лет³¹.

Забастовки, организованные профсоюзами, мобилизовали лишь немногих и не могли оказать значительно влияния на политику правительства в 1990-х гг. Несмотря на то, что самый влиятельный профсоюз — Национальное объединение венгерских профсоюзов — зачастую использовал элементы популизма (взывая к такой ценности, как справедливость, и обращаясь к политической демагогии), тем не менее это был не популизм, т.к. антиэлитизм, сомнения в эффективности системы демократических институтов и стремление к независимой политической деятельности

не были в полной мере присущи профсоюзам. Большинство профсоюзов были ориентированы на: 1) занятие приемлемых позиций в переговорах с работодателем и правительством по экономическим вопросам; 2) приобретение политического влияния в составе левых партий, в особенности Венгерской социалистической партии. Сама по себе демагогия не должна отождествляться с популизмом, хотя она и является его неотъемлемой частью. Требования, не являющиеся популистскими и не влекущие популистских последствий, могут быть выражены в демагогическом ключе.

В определенной степени группы, недовольные сменой режима в 1989 г., укрепили собой лагерь популистов³², они требовали последовательного проведения системных изменений (или, иными словами, смены элиты), «второй» или «вечной» революции³³, а также жаждали приватизации под жестким контролем государства. Кроме Венгерской партии справедливости и жизни Чурки эта разнородная группа включала в себя группы мелких собственников, членов Венгерской рыночной партии, участников революции 1956 г., политических заключенных, бывших сторонников плебейского демократа Дьёрдя Крашшо³⁴, а также группы, не довольные компенсацией или Конституционным судом, помешавшим им реализовать свои планы по установлению справедливости. Будет нелишним отметить и тех, кто был уверен в том, что революция «изжила себя» и первоначальные идеалы были преданы, а также тех, кто требовал широкого национального объединения вместо «политики партийных пактов»³⁵. Встреча представителей этих групп, состоявшаяся в августе 1993 г. в Балатонсарсо, прошла в духе антилиберализма³⁶. Выступления выдавали то, что коалиция национал-популистов и национал-консерваторов, созданная в конце 1989 г., находилась в стадии распада³⁷. Антиинституциональная аргументация была схожей, но, напри-

мер, в риторике таких организаций, как Комитет социального регулирования, Интеллектуально-моральный парламент или Гражданское движение за республику, использовались понятие гражданского общества. Экономический национализм, почти всегда сопровождающий популистскую политику, был представлен среди этих групп — преимущественно групп, стремившихся к ограничению притока иностранного капитала или запрету на приобретение земли иностранцами гражданами.

Инициатива Ассоциации людей с доходом ниже прожиточного минимума, представленная в конце 1992 г., может быть во многих отношениях названа популизмом низших слоев, т.к. она была нацелена на создание коалиции, выходящей за рамки слоя малоимущих, для поддержания ее требований. Сначала Ассоциация организовала голодную забастовку против антисоциальной политики государства, затем собрала сто тысяч подписей за проведение плебисцита по поводу досрочного роспуска правительства. Это была инициатива снизу, которая успешно исполняла общие недовольство парламентом и партиями и могла обратиться против политической элиты в целом. Референдум так и не был проведен, и общественное мнение осталось неизвестным. Тем не менее, когда Конституционный суд объявил данную инициативу антиконституционной, это не повлекло за собой новой волны протестов; таким образом, данная акция в действительности опиралась не на объединение разных классов общества, а лишь на недовольных малоимущих.

После потрясений политических и экономических преобразований правящий политический класс должен был решить задачу демократической консолидации. В теории консолидация — это политика социальной стабильности, заживляющая раны и распространяющая благосостояние на все более широкие слои населения. Такая политика вы-

ступает за многообразие политических идентичностей вместо принудительного и упрощенного деления на правых и левых. Либеральная демократия может гарантировать как свободу в политике, так и свободу от политики — по этой причине идея «вечной революции» чужда ее риторике и сути.

Новая правая коалиция, возглавляемая Виктором Орбаном, в 1998–2002 гг. предпринимала попытки консолидации, обращаясь к идее «второй революции». Как вскоре оказалось, консолидация была невозможной по причине растущего разрыва между группами. Она не могла быть осуществлена за счет сведения ее к одному измерению, а именно дихотомии свой — чужой. В 1998 г. Виктор Орбан, вероятно, чувствовал, что пришел последний момент для политической реорганизации. Его программа была попыткой модернизации среди правых, строительства Венгрии под знаменем Фидес, укоренения новой политической структуры, разительно отличавшейся от социалистической, — олигархии и социальной поддержки. Он считал, что ситуация, когда два олигарха будут бороться за власть, лучше той, когда один просто к ней приходит. Он предпринял попытку создания экономической и социальной базы для конкуренции этих «двух Венгрий». Он видел своей миссией не социальные реформы, а изменение элиты, закрепление ключевых позиций за «своими людьми», создание новой базы сторонников и институциональной площадки для Венгрии под знаменем Фидес. Своей программой он не смог заручиться симпатией большинства.

Основной ошибкой первого правительства Орбана было отождествление политического сообщества с культурным (хотя последнее относилось исключительно к правым). Одна из основных характеристик либеральной демократии заключается в том, что политические и культурные сообщества не совпадают. Внутри единого политического сообще-

ства может мирно сосуществовать неограниченное число сообществ культурных. Любой, кто пытается принудить существующее (и культурно разнородное) политическое сообщество следовать нормам определенного культурного сообщества открыто объявляет себя противником принципов либеральной демократии. Первое правительство Фидес пыталось сбалансировать разобщенное политическое сообщество с помощью возрождения воображаемого культурного сообщества «нации за рубежом». Орбан считал более важным быть лидером страны, а не государства. В то время как он говорил о 15 миллионах венгров, у избирателей складывалось ощущение, что он преследует лишь интересы правых, что привело к определенной напряженности. Когда он высказывался за духовное укрепление и объединение венгров (что пробуждало подозрения в национализме), левые легко могли понять, что риторика духовного объединения венгров по всему миру использовалась лишь для того, чтобы население приняло символическую и нормативную структуру воображаемого культурного сообщества, которой так симпатизировало правительство. Такая ситуация легко порождает страхи.

Венгерские избиратели вряд ли возражали против успешного, прагматичного, объединяющего вокруг себя политические силы правого правительства, но мысль о том, что это правительство может попытаться повлиять на ценности, нормы и обычаи венгров, пугала многих. Кажется, что первое правительство Orbana намеревалось сверху изменить структуру всего общества в соответствии с ценностями одной культурной группы. Организация общества — одна из функций правительства, но организация культурных сообществ не является ни его ответственностью, ни его задачей, этот процесс должен инициироваться снизу, быть органичным и вписываться в гражданские модели. Напрасно

премьер-министр заявлял, что «будущее уже наступило», т.к. вскоре стало ясно, что прошлое не может быть вычеркнуто навсегда. Они могли прийти к победе в 2002 г. со спокойной зрелой консервативно-либеральной программой, но с гражданским радикализмом, симулирующим переходный период, они были обречены на провал.

С помощью политики социальной мобилизации Орбан переключил политическую карту так же, как это произошло в 1940-х — 1950-х в Аргентине при президенте Хуане Пероне, в Хорватии при Франьо Туджмане и в Словакии при Владимире Мечьяре. Во всех этих странах были сторонники автократической демократии, выступавшие против защитников либеральной демократии. Схожая ситуация сложилась в Италии в 2001 г., где многопартийная система потеряла свое значение, и на переднем плане политической борьбы оказались поддерживающие и противостоящие Берлускони группы. Некоторые наблюдатели сравнивают такую ситуацию и с Великобританией под руководством Блэра³⁸. Во время предвыборной кампании 2002 г. происходила ожесточенная и весьма эмоциональная борьба между политическими коалициями сторонников и противников Orbana. «Холодная гражданская война» перешла в стадию перегрева. Несмотря на то, что Фидес проиграла выборы как политическая сила, Орбану все же удалось создать «вторую Венгрию» с особым культурным ландшафтом, который уцелел после поражения на выборах.

Такой политический стиль часто называют популистским. В таком случае демократический процесс представляется как выбор между жизнью и смертью, правдой и ложью, прошлым и будущим, добром и злом. Популизм влечет за собой переосмысление роли государства с акцентом на патернализме и контроле над распределением ресурсов. Среди других характеристик популизма можно перечислить некий экономи-

ческий национализм, моралистическую риторику, использующую идею нации и справедливости, непрекращающийся поиск «врагов нации» (изменники родины, коммунисты, большой бизнес, олигархи, космополитичные интеллектуалы и т.д.), а также поляризацию и сокращение политического плюрализма до одного-единственного измерения. В это время политическая конкуренция не сосредоточивалась вокруг программ и рациональных аргументов, но была сведена к полной эмоции и символов метаполитической войны «своих против чужих», предлогом для которой служили соображения «культурного» толка. Национальная символика (флаг, национальный гимн) — знак единства нации — была присвоена Венгерским гражданским фронтом и его соратниками, что стало еще одним акцентом на разобщенности внутри страны. Звучавшие раньше на футбольных матчах слоганы «Вперед, Венгрия!» и «Вперед, венгры!» стали слоганами кампании партии, наподобие «*Forza Italia!*»³⁹. Национальное политическое сообщество отныне совпадало с кругом сторонников Венгерского гражданского союза, которых призывали «защитить нацию»⁴⁰. Вскоре стало ясно, что популизму нужны не интеллектуалы, а всего лишь пропагандисты.

Одним из важнейших элементов популистской политики, жидущейся на авторитете лидера, является персонализация власти. Этой цели служит телевидение, реклама и видеоклипы, которые в последнее время оказывают значительное влияние на умы, а также процесс повсеместной коммерциализации. Современная демократия является во многом медийной, демократией предвыборных кампаний. В таком мире любой, кто может упростить свои идеи и изложить очевидные или истинные факты размыто, но правдоподобно, находит себе сторонников. Большинство людей поддерживают скорее те партии, которые «визуализируют» политику, чем

те, которые пользуются классическими приемами дебатов и программ. Сочувствие становится более важным, чем осознание. Такое сочувствие легко вызывают харизматичные персоны, озвучивающие идеи партии. Если находится такая харизматичная персона, идеи переходят в план метаполитического: борьба политических программ заменяется столкновением символов, знаков, религиозных и псевдорелигиозных убеждений. Личность, озвучивающая идею, становится самой идеей. Таким образом, политический лидер становится лидером группы, во многом схожей с религиозным сообществом, а также центральной фигурой, чья политика дает ищущим политическую идентичность возможность ее «прочувствовать». В «демократиях лидеров»⁴¹ политика подразумевает погружение и чувство единения, идеологии становятся идентичностями, рационально-аргументативный тип политики сменяется политикой идентичностей.

В начале прошлого десятилетия стало очевидным, что многим представителям венгерского общества — в большей степени сельским, чем городским жителям — было нужно именно такое клаустрофобное, антилиберальное, доминантное поведение. Они чувствовали, что есть кто-то, кто просто, но при этом умно объяснит им, что надо делать в этом нерациональном, загнивающим и непонятном мире.

При первом правительстве Орбана произошли изменения в стиле использования власти — сменилась политическая риторика, политика стала более динамичной, людей призывали думать в долгосрочной перспективе (картина будущего), а политиков — стать более понятными для обывателей. Правительство Орбана пренебрегало текущими проблемами и сосредоточивалось на формировании ясной и привлекательной картины будущего. Выборы тем не менее показали, что избиратели больше интересуются

ся настоящим, чем прошлым, и верят в будущий успех, если видят его зачатки сегодня. Венгерские избиратели находилось не в том положении, чтобы пренебрегать обстоятельствами обыденной жизни.

В своих обращениях после выборов Виктор Орбан подчеркивал, что не видит связи между деятельностью правительства и поражением Венгерского гражданского союза⁴². Он пытался объяснить поражение некими внешними причинами и даже после проигрыша на выборах пытался отвлечь внимание от совершенных правительством ошибок. Он начал развивать мифологию о своих собственных достижениях на фоне деятельности тех, кто якобы служил «иностранному интересам», относясь к родине как к акционерному обществу. После выборов 2002 г. Орбан принял роль духовного лидера народа и дал понять, что он не намеревается снова прибегать к парламентским инструментам. Целый год после выборов он отказывался от постов в партии и фракции, с неприятием относясь к традиционной роли оппозиции. Организуя «гражданские кружки» и спонтанно собирающиеся группы активистов, он перевел их политическую деятельность в формат движения⁴³ и заявил, что его сторонники не являются меньшинством, потому что «нация не может быть оппозицией». Он хотел противопоставить «нацию» оппозиционным партиям и создать инфраструктуру и социальную базу для «Венгрии будущего». Он все еще был заложником риторики своей предвыборной кампании. От попыток обеспечить победу на выборах для своей партии он перешел к идее создания политического движения, объединения партий правого толка. Первое правительство Обрана пыталось достичь в рамках одной инициативы двух противоположных целей — «революции душ» и консолидации. Его политика ставила столкновение выше компромисса, что не находило сочувствия у избирателей. После годично-

го перерыва, будучи уже президентом, он вернулся в Фидес как неоспоримый лидер партии и в соответствии с этим пересмотрел внутренние правила и процедуры партии.

Один из уроков, который можно извлечь из избирательного цикла 1998–2002 гг., это то, что демократия различает политические и культурные сообщества. В политическом сообществе может мирно сосуществовать более одного культурного сообщества, т.к. демократия рассматривает группы, различающиеся по вероисповеданию, образу жизни, вкусам и культуре, как равные. Это было неприемлемо для венгерского движения Новых правых, что вылилось в кампанию, в которой понятия «демократия», «нация», «страна» и «родина» легко противопоставлялись друг другу. Правительство хотело переделать культурное сообщество по модели правой культурной системы ценностей, таким образом, подразумевалось, что тот, кто не согласен с этой моделью, не может быть членом политического сообщества. Это вызвало обеспокоенность людей, которым не была близка система ценностей «порядок — власть — родина — работа — дисциплина — семья — воля», продвигаемая правительством. Правительство вело себя довольно агрессивно, т.к. его члены были убеждены, что большая часть представителей политического сообщества страны их поддерживала и идентифицировала себя с их системой ценностей. Они ошибались. Волонтаризм кабинета министров заставил отвернуться от правительства те социальные группы, которые легко было бы склонить на свою сторону умеренным правоцентристам.

Первое правительство Обрана постепенно оказывалось слегка антизападным, антиамериканским, антиглобалистским и антилиберальным. Это был нелегкий и небыстрый процесс, в то же время правительство успешно вело переговоры о вступлении Венгрии в ЕС, к тому же уже тогда страна была членом

НАТО. Переговоры с ЕС имели умиротворяющее и сдерживающее влияние на внутреннюю политику Венгрии, что ограничило для Орбана пространство для маневра. Тем не менее Фидес, которая была членом Либерального Интернационала, оставила либералов в Европе и в 2000 г. присоединилась к Европейской народной партии.

А 1998–2002 гг. Виктор Орбан и его соратники создали Новых правых. Этот проект оказался политически неукладным, но он до сих пор имеет значительное культурное влияние. Партия Фидес — Венгерский гражданский союз проиграла выборы 2002 и 2006 гг. Тем не менее после 2006 г. она оказалось *единственной* мощной оппозиционной силой.

5. Протест против посткоммунистической технократии: популизм как смесь национализма и неолиберализма

Первого мая 2004 г. десять стран вступили в Евросоюз. В том числе и страны Вышеградской группы — Чехия, Словакия, Польша и Венгрия. На момент вступления в ЕС в трех из этих стран у власти находились левоцентристские правительства. Но уже на следующий день Лешек Миллер, польский премьер-министр, был вынужден покинуть свой пост. За ним в июне последовал чешский премьер-министр социал-демократ Владимир Шпидла. В августе того же года глава левоцентристского правительства Венгрии Петер Медьешти также внезапно подал в отставку. Миссия была завершена, и эти лидеры должны были уйти.

Несмотря на то, что Медьешти пользовался большой популярностью у населения в начале срока, изначальный успех его материалистской политики перераспределения средств был вскоре забыт. Коллективная память пробуждается только тогда, когда данное воспоминание вписывается в рамки коллективно осознаваемого и интерпретируемого нарратива и если оно укореняется в умах

граждан в форме связного рассказа «народной истории». Хотя Венгрия и не находилась в сложной экономической ситуации, напротив, это был период экономического расцвета, политические акторы и наблюдатели ощущали кризис руководства. Они понимали, что присутствие правительства в некотором роде недостаточно, т.к. управление страной стало спонтанным, и политические решения не связывались в единый связный нарратив. Никто не знал, что происходит и по какой причине. Политическая стратегия сменилась реактивным типом коммуникации. Многие чувствовали, что социал-либеральное правительство не сможет объяснить свое нахождение у власти и то, какие идеи и принципы лежали в основе их действий. Как только правым удалось вывести людей на улицы, одной идеи социального спокойствия стало достаточно. Как только оппозиция успокоилась, оказалось, что заявления о мире и спокойствии не находят поддержки у левой части политического спектра. У многих складывалось впечатление, что после успешного начала ситуация изменилась к худшему.

Почему же это «изменение к худшему» совпало с одним из самых значительных политических шагов в истории Венгрии? Это был шаг, которого страна давно ждала, шанс догнать соседей, присоединиться к более состоятельной и успешной половине Европы, войти в «Европейский клуб», от которого на протяжении десятилетий ее отделял железный занавес и советский режим. Почти повсеместно люди единодушно поддерживали вступление в ЕС. Казалось, что дальнейших аргументов не требуется, что присоединение к Европе есть вообще благо. Не у каждого есть такая возможность, какая появилась у этих стран.

Очевидно, что после выполнения задачи может последовать крах. Разорвав финишную ленту, бегун падает наземь. Бывали случаи, когда политики лишались влияния в момент славы после по-

бедоносного окончания войны. Было ли это совпадением, что на место всех трех упомянутых выше лидеров пришли более молодые премьер-министры, взгляды которых значительно отличались от взглядов их предшественников? Следуют ли эти изменения определенной закономерности, выходящей за рамки личностных характеристик этих людей?

Венгры от новой политической элиты и лиц, способствовавших смене режима, ожидали, во-первых, демократии, во-вторых, рыночной экономики, в-третьих, четко определенного политического сообщества и национальной идентичности, в-четвертых, «присоединения» страны к Европе. Каждое из этих требований было пронизано одним желанием — желанием благосостояния. Эти общества прошли через изоляцию железным занавесом в результате ужасной исторической несправедливости. Для венгров было «естественным» требовать повышения уровня жизни до австрийских стандартов. Уже в период смены режима венгры связывали демократию с благосостоянием. Люди хотели демократии просто потому, что они видели богатство демократических стран. Казалось логичным, что живущие в демократии процветают. Слово «капитализм» уже имело негативную коннотацию, но фраза «эффективная рыночная экономика» звучала убедительно. Существовало убеждение, что функционирующая рыночная экономика необходима для того, чтобы в страну пришло процветание. Переосмысление национальной идентичности и политического сообщества было важно, в особенности в молодых посткоммунистических национальных государствах, потому что надо было определить, кто имеет право на это благосостояние в качестве члена «суверенного народа». Кто принадлежит к нации? Кто может быть гражданином страны? На эти вопросы необходимо было ответить, чтобы узнать, на сколько частей придется резать «пирог». В кон-

це концов, европейская и евроатлантическая интеграция стала восприниматься как способ сравняться с сильными и успешными.

Пока надежды внутри страны совпадали с международными ожиданиями, пока эти надежды можно было претворить в реальность с помощью формальных институциональных шагов, технократическая и прагматическая элита преемников венгерского коммунистического режима могла добиться многого в рамках своего модернизационного стиля управления. Международное научное сообщество не могло не признать профессионализма, с которым венгерские партии-преемницы завершили демократические преобразования после 1989 г., продемонстрировав готовность к реформам, и совладели с последующим кризисом. В этом не было ничего удивительного: партийные лидеры — политики, социализировавшиеся в постмарксистский антиидеологический период реформ, — видели себя в роли «нейтральных экспертов», возражающих против любой идеологии. Эти прагматичные реформаторы с отвращением относились к политическим идеям, хорошо помня на вкус марксизм-ленинизм. Более того, куда б они ни посмотрели, везде они обнаруживали хаос и кризис. Во-первых и главным делом, они должны были доказать, что могут мыслить вне идеологических рамок предыдущего коммунистического поколения, а также, что они могут видеть проблему как она есть, без идеологической нагрузки, что они могут решить или, по крайней мере, совладать с возникающими проблемами. Главной задачей этого поколения было «антикризисное управление» в узких рамках между ограниченными политическими возможностями и «экономической рациональностью». В то время как их предшественники были скованы идеологическим мышлением, реформаторы могли сбросить с себя это бремя. Их миссией было увидеть свет в конце тоннеля,

в то время как большая часть населения все еще бродила в темноте. Они должны были стать этим светом для нации для того, чтобы повести за собой людей в обетованную землю экономической рациональности.

Среди социалистов не было ни одного человека, который все еще верил бы в коммунизм. Марксизм представлял собой высохший теоретический скелет. Это была невнятная концепция прогресса с размытым линейным пониманием истории без какого-либо значительного содержания. По прошествии многих лет политических изменений сложилось мнение, что имеет значение только специфический анализ специфической ситуации, ответственное управление и разрешение кризисных ситуаций. Таким образом, цветок модернизации оказался в пустой вазе. Посткоммунистическая политическая элита хотела жить в нормальном, жидущемся на консенсусе, свободном от идеологий мире. Поскольку на тот момент желаемый консенсус назывался Вашингтонским, было естественным то, что эти политические управленцы восприняли международный дискурс. Они стремились привлечь капитал, считая, что это будет способствовать развитию работоспособного общества. Функционирующая демократия должна была быть доступной каждому, кто имел желание проголосовать.

Такой политический курс мог существовать на фоне необходимости создания институтов, преодоления препятствий на трудном пути смены режима, необходимости экономической стабилизации, демократической консолидации и исторического вступления в ЕС. Такой политический курс мог существовать, пока левым не надо было определять свою политическую идентичность. Пока на протяжении почти десятилетия правые заново отстраивали свою базу, задачей левых было управление кризисом, проведение политики приватизации, оставленной незавершенной правыми

правительствами, и дружелюбное отношение к Западу.

Венгерские Новые правые появились на политической сцене в 1998 г., проверяя свои новые силы с помощью провокационного и агрессивного поведения. Они стремились любой ценой узаконить свою новую, гордую и очень определенную идентичность. Однако в своем подростковом азарте они зашли слишком далеко. Рвение их приверженцев разбило страну на сходящие на нет силы павшего коммунистического прошлого и кипящие силы нарастающего националистского будущего. Неудивительно, что общество снова повернулось к хорошо известным политическим «старожилам» в 2002 г. Опасения масс вылились в победу левых на выборах. Главным аргументом было то, что время политики символов — нелепого пережитка былых времен — уже прошло. Теперь для успеха нужны были реальные достижения.

Исторический обзор венгерской политики нового века показывает тем не менее, что для успеха левых требовалось нечто большее, чем просто статус «партии мира». Правые возродили свою идентичность, пришло время и другой стороне сделать то же самое, хотя и с большим отставанием. К 2004 г., когда страны Центральной Европы вступили в ЕС, старое мышление, ставящее во главу угла удовлетворение международных ожиданий, «нейтральные», «экспертные» и «свободные от ценностей» политические курсы потеряли какое-либо влияние.

Концепция «смены режима благосостояния», представленная на тот момент премьер-министром Петером Медьеши, была сообразна целям определения весьма серьезной социальной проблемы и борьбы с самым значительным политическим долгом новой системы. Демократия не имеет ценности для людей, пока они живут в бедности. У нации нет ценностей, когда — как отмечал венгерский писатель Дежё Сабо девяносто лет назад — «национальный гимн поется на

голодный желудок». Не имеет ценности и Евросоюз, если он всего-навсего джентльменский клуб для богатых. Неслучайно, что и на референдуме по поводу вступления в ЕС, проведенном в 2003 г., и на выборах в Европарламент в 2004 г. явка была на удивление низкой и в Венгрии, и в Центральной Европе в целом. Люди не ощущали, что эти вопросы касаются и их. Не то чтобы существовало некое сопротивление — население оказывало пассивную поддержку. Проблема социального обеспечения осталась нерешенной, и стало ясно, что одного правительства и одного избирательного цикла недостаточно для проведения изменений в этой сфере. Неспособность решить эту проблему в сжатые сроки привело к кризису политических сил, называемых до этого момента «левыми». Хотя в 1990-х гг. они успешно управляли кризисной ситуацией, возникали новые проблемы, которые невозможно было решить при помощи старых методов и старых моделей. Все чаще верное решение требовало стратегического мышления, способности к инновациям и преданности политическим ценностям. Новые проблемы не имели отношения к решению технических задач, антикризисному управлению или модернизации, они затрагивали политическое содержание социальной демократии. И о таких ценностях должны были говорить не эксперты, но политики. «Экспертные знания» бесполезны, когда дело доходит до выбора политических ценностей. Лишенные ценностей элитаристские политические курсы не могли не вызвать новой волны популизма.

Тем не менее обещание обновления социалистической партии в контексте «третьего пути» казалось довольно многообещающим. С ним связывалась надежда, что после полутора десятилетий посткоммунизма все наконец встанет на свои места. Казалось, что левые перестали вести себя как правые, и наоборот. В Центральной Европе 1990-х гг. все обсто-

яло иначе: пока левые были заняты приватизацией, правые строили нацию. Это должно было прекратиться. Некое изменение, обновление было необходимо, и экс-коммунистический социализм должен был быть пересмотрен, равно как и политика Запада. Влияние антиглобалистского движения пошло на спад после 11 сентября 2001 г., новая социал-демократическая политика когда-то успешного третьего пути столкнулась с необходимостью обновления. Приходилось размышлять над тем, станет ли результатом кризиса неолиберализма 2000-х гг. крах его левоцентристских альтернатив или же он приведет к возрождению националистского популизма.

То, что произошло в Венгрии после 2004 г., было погружением страны в текущие проблемы западного мира. Длительный переходный период завершился, новые проблемы региона больше не носили «переходный» характер. Существует множество типов капитализма и несколько форм демократии. По истечении первой декады нового века были исчерпаны возможности для развития зародившегося внутри страны технократического политиканства, призывающего «следовать» и «догонять» и оформившегося исключительно благодаря внешнему влиянию, и отрицавшего автономию и социальный контекст.

В 2004 г. премьер-министра Медьешчи сменил Ференц Дьюрчань, более молодой и динамичный социалист, чье восхождение рассматривалось как достойный политический ответ левых на фигуру Орбана. Премьер-министр Дьюрчань смог удержать у власти коалицию социалистов и либералов в результате успешной предвыборной кампании 2006 г. Он показал, что по личностным характеристикам стоит ближе к лидеру Фидеса, чем уравновешенный Медьешчи, поэтому он и смог победить своих правых противников. С 2004 г. до конца десятилетия резкая поляризация страны выражалась в усиливающейся персонализации политики,

сконцентрированной вокруг двух лидеров: Орбана (Фидес) и Дьюрчяна (Венгерская социалистическая партия). После нескольких лет нахождения у власти социал-либеральное правительство, возглавляемое Дьюрчанем, многими воспринималось как «иосифистское» из-за направленности сверху его модернизационных реформ, а также слишком технократическое, оторванное от народа и коррумпированное. Противостояние политических лагерей привело к открытому антиправительственному протесту осенью 2006 г., который завершился столкновениями протестующих с полицией. Хотя Орбан и проиграл выборы два раза подряд, он смог решить долгосрочную политическую задачу — обеспечить создание общественной базы для новых правых и добиться крайней поляризации венгерской политики. Наконец, отчасти в результате глобального экономического кризиса 2008–2009 гг. Орбан смог снова объединить политический центр и вернуться в новый парламент с квалифицированным большинством.

Целая эпоха подходила к концу, но возможности для популистской политики никуда не исчезли. Вначале она проявилась в форме «депрессии после вступления в ЕС», возникшей из-за социального раскола, а теперь проводится вернувшимся правительством Фидес в ключе возрождения Новых правых как комбинация национализма и неолиберализма. Несмотря на все существующие проблемы, после 1989 г. Венгрия развивалась довольно успешно по сравнению с другими странами мира. Но этот успех подрывается многими неожиданными факторами. Над счастливой историей нависает угроза отхода от демократических принципов. С лета 2010 г. венгры живут в ситуации, которую они вряд ли могли предвидеть.

Несмотря на то, что «революция за круглым столом» 1989 г. была преимущественно делом рук элиты, боль-

шая часть населения приветствовала новый свободный режим. Они получили возможность путешествовать, смотреть иностранные фильмы и свободно разговаривать на публике. Свободные выборы и представительное правительство, конституционный суд и демократическая оппозиция пустили крепкие корни в Венгрии. Последние двадцать лет были далеко не безоблачными, например, увеличивался разрыв между теми, кто пострадал или, наоборот, выиграл от смены режима, между уровнем жизни в столице — Будапеште — и остальной стране, а также между возможностями образованного населения и цыган. Но все же венграм удалось пожить в условиях либеральной демократии. Правящие партии проигрывали выборы. СМИ активно критиковали политиков. Демократия крепко встала на ноги, и страна вступила в Евросоюз.

Но потом случилась революционная победа Фидес на избирательных участках в апреле 2010 г., и некоторые из упомянутых выше процессов обратились вспять. Многие не верили своим глазам: разве возможно вернуть вспять историю? Можно ли перекрыть демократии кислород в течение нескольких недель, месяцев? Более того, возможно ли совершить обратный переход к полуавторитарному режиму в составе ЕС?

Хотя Фидес и поддержало 53% избирателей, из-за особенностей пропорциональной избирательной системы эта доля превратилась в две трети мест в парламенте. Имея за собой подавляющее большинство парламентариев, правительство Фидес могло — и желало — внести поправки в основной закон. Лидер партии Виктор Орбан говорил об этой победе, как о «революции», заявляя о необходимости фундаментальных политических изменений, представляемых как «воля народа». Орбан даже объявил о создании новой «системы национального сотрудничества», которая должна прийти на смену «трудным десятилетиям»

либеральной демократии. В своеобразной популистской манере он представил «декларацию национального сотрудничества» — текст, который обязательно должен был быть вывешен во всех учреждениях государственного управления.

Несмотря на то, что в предвыборной кампании Фидес ничего не говорилось о таких шагах, правящее большинство приступило к фундаментальной реструктуризации политической системы. Государственные учреждения были переименованы в правительственные. Последними же, задействованными в сфере государственных служб, стало легко пренебрегать, что при этом было и вполне законно. Центральное и местное государственное управление стало в высокой степени политизированным. Все основные посты в независимых учреждениях заняли функционеры Фидес. Налогообложение за предыдущие периоды было введено в качестве наказания для сотрудников предыдущих правительств. Кампании национального уровня были запущены против «криминальных элементов» предыдущих правительств, а также некоторых групп интеллигенции. Правительственная пресса яростно нападает на философов — последователей Дьёрдя Лукача, в т.ч. на Агнеш Хеллер и других ученых, получавших весьма щедрое государственное финансирование для проведения исследований. Националистская пропаганда обрушилась на андеграундных художников и актеров.

Вопреки общим европейским стандартам стала реализовываться редкая комбинация антисоциальных политических курсов. Введя фиксированную систему налогообложения, кабинет министров надеялся заручиться поддержкой состоятельного населения за счет интересов малоимущих. Снизилась пособия бездомным и безработным, в то время как средства выделяются — «в интересах нации» — матерям-домохозяйкам с целью стимулирования деторождения и внедрения традиционной патриархаль-

ной модели семьи. Новые законы о государственном и высшем образовании подразумевают более строгий контроль над учащимися и значительное сокращение числа студентов университетов.

Строгие требования к профсоюзам сильно ограничили право на забастовки, правительство начало кампании против некоторых профсоюзных лидеров, пытаясь дискредитировать профсоюзы. Была создана так называемая антитеррористическая организация, главной задачей которой является личная безопасность Виктора Обрана и членов его правительства. Закон о выборах был изменен прямо перед муниципальными выборами, прошедшими в октябре 2010 г., для того, чтобы снизить шансы попадания малых партий в местные органы власти. Были значительно сокращены полномочия Конституционного суда. Этническим венграм, проживающим за рубежом, было даровано гражданство страны с целью увеличения доли сторонников Фидес. Система частных пенсионных фондов была национализирована в результате сильно напоминающего переворот процесса, в ходе которого людям пришлось обратиться к государственной пенсионной системе. Таким образом, Фидес удалось удержать годовой дефицит на уровне, соответствующем Маастрихтским критериям ЕС. Примечательно, что пока Фидес проводил ограничительную налогово-бюджетную политику, чтобы удовлетворить технократов Евросоюза, в сфере политики он предпринимал шаги, удаляющие Венгрию от остальной демократической Европы. Началась эпоха националистского либерализма.

Формально законопроекты представлялись в виде «поправок» к существующим постановлениям отдельными депутатами от Фидес, а не правительством, что позволило избежать демократических дебатов и ускорить процесс принятия законов. Аналитики и СМИ не успевали за стремительно меняющимся законодательством.

В целом это была попытка «конституционного государственного переворота», предпринятая одним человеком — Виктором Орбаном. Правительство контролировало СМИ (радио и телеканалы), оппозиция потеряла возможность публично выражать свое мнение. Центральная пропагандистская машина распространяла идеи национализма, христианских и семейных ценностей, требовала закона и порядка. В то же время правящее большинство вносило изменения в Конституцию девять раз за последние полгода, что подорвало принципы безопасности, своевременного реагирования и ответственности. Кроме того, в апреле 2011 г. правящее большинство внесло еще одно изменение в Конституцию, ныне называемую Основным законом, и теперь она содержит длинную преамбулу, озаглавленную «Национальное кредо», в которой говорится о христианских ценностях, национальной истории и единении нации как культурного и политического сообщества с интересами государства. Экономические и социальные права служащих были существенно ограничены, если не полностью аннулированы. Страна перестала быть Венгерской республикой, теперь она называется просто Венгрия. Только в одном предложении упоминается то, что страна является республикой. (Если Орбан изымет это предложение из текста, страну с легкостью можно будет превратить в королевство.) Новый президент — Пал Шмитт, бывший олимпийский чемпион по фехтованию, имеющий весьма ограниченные представления о конституционализме. Поскольку он не обладает политической автономией, он может быть легко смещен Орбаном в любое время, когда тот решит покинуть текущий пост и стать следующим президентом. (Повидимому, президент Дмитрий Медведев в 2008—2012 гг. обладал большей автономией при премьер-министре

Владимире Путине, чем Шмитт при Орбане.)

В 2002—2010 гг. Орбан потерпел два поражения: в 2002 г. он проиграл социалисту Петеру Медьешу, а в 2006 г. — другому социалисту — Ференцу Дьюрчаню. Особенно унижительным было второе поражение, и с тех пор Орбан двигает жажда мести. Удивительно, что эти поражения не оказали негативно-го влияния на его неоспоримое лидерство в Фидес, которую он превратил из демократической в иерархичную, централизованную партию, управляемую исключительно им одним. Он попросту переносит модель «партии одного лидера» на все государство (в немецкой прессе такое государство называется *Führerstaat*). Люди напуганы и молчат, опасаясь потерять работу. Популярность Фидес все еще довольно высока, новые налоги не задели напрямую обывателей, а сказались, скорее, на банках и мультинациональных компаниях.

Международной прессе было не просто охарактеризовать новый популистский поворот в Венгрии. Орбана часто сравнивают с такими фигурами, как Путин, Лукашенко, Качиньский, Чавес, Мечьяр, Берлускони, Кемаль Ататюрк, де Голль, Туджман. Некоторые из этих сравнений довольно интересны, но большинство из них не имеют отношения к реальности. Орбан *не похож* на Путина или Лукашенко, потому что венгерские власти не вынуждают покинуть страну оппозиционеров. Несмотря на то, что оба любят футбол, Орбан *не похож* на Берлускони, потому что последний на момент прихода к власти уже владел несколькими телеканалами, в то время как Орбан использовал для захвата СМИ свой новый пост в правительстве.

Качиньский утвердил в Польше «Четвертую республику», но не стал вмешиваться в либеральную экономическую политику страны, несмотря на националистскую риторику. Кроме то-

го, он вскоре потерпел неудачу, т.к. в стране присутствовала сильная демократическая альтернатива. Чавес национализировал определенные отрасли промышленности и запустил кампанию против иностранных инвесторов, но при этом защищал интересы малоимущих, в то время как Орбан, скорее, поддерживает верхушку среднего класса и буржуазию при помощи своей националистской экономической риторики и неолиберальной политики. Де Голль учредил во Франции «Пятую республику», но не подрывал принцип верховенства закона. Туджман был бескомпромиссным националистским лидером, самопровозглашенным основателем «новой Хорватии», в то время как Орбан является, скорее, популистом-оппортунистом, смешивающим левую риторику и правую экономическую политику с национализмом — в той же степени, в какой он готов объединить традиционные ценности с крайне правыми идеями. Он проводит самобытную политику, как Мечъяр делал это в Словакии, но он более последователен в подавлении демократических институтов.

Турецкий лидер Кемаль Ататюрк породил и модернизировал Турцию, введя некоторые западные элементы (например, разделение власти и религии), в то время как Орбан стремится к введению восточных элементов наподобие того, как это происходило в Китае. Он не боится восхвалять эффективность китайского «рыночно-ленинистского» коммунистического капитализма во время визита в Азию, в то же время дома он активно использует антикапиталистические и антикоммунистические настроения. Будучи настоящим политическим животным, чувствующим себя как дома в рамках популистской политики, Орбан непоследователен: добиваясь единения нации при помощи культурно-националистских аргументов, он перераспределяет доходы государства по направлению от бедных к богатым.

Заключение

В этой статье я попытался показать, что популизм одинаково сочетается и с демократией, и с полудемократией, и с полным отсутствием демократии. Он представляет собой трудноопределимое понятие в сфере истории идей и политической науки. Недавние события в Венгрии показывают, что популизм достаточно гибок для того, чтобы служить дополнением неолиберальной политики.

Несмотря на все попытки достичь обратного, в Венгрии все еще имеется многопартийная система, хотя демократическая конкуренция заметно снизилась из-за манипуляций политической системой и СМИ. Свобода прессы постепенно сводится к блогосфере (Facebook и пр.) и оппозиционным журналам, но она все еще существует. Согласно одному из последних рейтингов Freedom House, Венгрия все еще является свободной страной, тем не менее за годы она потеряла семь пунктов и в следующем году может опуститься в категорию «частично свободных» стран. В 2010 г. состоялись свободные и честные выборы, таким образом, правительство Фидес пришло к власти легитимно (если и не придерживалось принципов легитимности в дальнейшем). Эта ситуация является случаем «тирании большинства». Необходимо видимое, массовое и последовательное демократическое сопротивление тенденциям к авторитарному режиму. Венгерское гражданское общество, включающее служащих, студентов, рабочих и другие категории населения, все еще не очнулось от долгого сна. Если Венгрия справится с этим авторитарным популистским вызовом при помощи массового сопротивления, возможно, что в результате демократия только усилится. Текущая ситуация в Венгрии ясно показывает, что демократия несводима к определенным институциональным рамкам, т.к. они могут быть компрометированы. Единственная ее опора — это поддержка преданных и активных граждан.

- ¹ Erdei F. A magyar társadalom a két háború között. Budapest: Magvető, 1984. Доклад, представленный на конференции в Сарсо. Опубликовано в *Szárszó*, 1943.
- ² Bozóki A., Sükösd M. (1987) Agrárszocializmus és ideális anarchizmus // *Medvetánc*. 1987. № 2. 293–319; более подробно см. *Magyar anarchizmus* / ed. by A. Bozóki, M. Sükösd. Budapest : Balassi, 1998.
- ³ Szabó D. Az individualizmus csődje // *Huszadik Század*, 1914.
- ⁴ Erdei F. A magyar társadalom a két háború között. Budapest : Magvető, 1984. Доклад, представленный на конференции в Сарсо. Опубликовано в *Szárszó*, 1943.
- ⁵ Szabó D. Új magyar ideológia felé // *Auróra, Élet és Irodalom*, 1923.
- ⁶ Némedi D. *A népi szociográfia* // Budapest : Magvető, 1985.
- ⁷ Ignótus P. Népiség és új humanizmus // *A Toll*. 1936. 1 ; Tamás G.M. Ahogyan az ember forgószelelben viselkedik // *Valóság*. 1992. 30 (10). P. 78–92.
- ⁸ Borbándi G. *A magyar népi mozgalom*. New York : Püski, 1983 ; Gomgos G. A harmadik út és a népi mozgalom // *Hitel*. 1989. February 1. P. 17–19 ; Gyurác F. A populizmus értelmezéseiről // *Hitel*. 1992. 4 (9). P. 32–43.
- ⁹ *A népi-urbánus vita dokumentumai, 1932–1947* / ed. by P.Sz. Nagy. Budapest : Rakéta, 1990.
- ¹⁰ Ignótus P. A demokrácia feladata // *Cobden*. November 1936.
- ¹¹ Bozóki A. Egy “ingerlékeny” urbánus. Ignótus Pál és kora // *Századvég*. 1988. 6–7. P. 244–264.
- ¹² Perczel L. A nép és az ő barátai: változatok a jobboldali populizmusra // *Kritika*. 1992. 1. P. 13–16.
- ¹³ Szalai P. A magyar radikalizmus helyzete 1945–1947 között a *Haladás* című hetilap tükrében : рукопись. 1987.
- ¹⁴ Ionescu G. Eastern Europe // *Populism: Its Meaning and National Characteristics* / ed. by G. Ionescu, E. Gellner. London : Weidenfeld and Nicholson, 1969. P. 117.
- ¹⁵ Bibó I. Levél Borbándi Gyulához // *Bibó István: Válogatott tanulmányok* / ed. by T. Huszár, I. Vida. Budapest : Magvető, 1986. P. 307.
- ¹⁶ Csoóri S. *Nappali hold*. Budapest : Püski, 1991 ; Csurka I. *Vasárnapi jegyzetek*. Budapest : Püski-Magyar Fórum, 1991.
- ¹⁷ Cf. Népiek és urbánusok — egy mítosz vége? // *Századvég*. 1989. 2.
- ¹⁸ Agócs S., Medvigy E. *A magyarság esélyei. Lakitelek, 1987. A tanácskozás hiteles jegyzőkönyve* // Budapest–Lakitelek : Antológia–Püski, 1991.
- ¹⁹ Az MDF alapítólevele // *Hitel*. 1988. November. P. 50–51.
- ²⁰ Az Magyar Demokrata Fórum programja // *Hitel*. 1989. May 10. P. 50–52.
- ²¹ Radnóti S. Most hirtelen téli mesék képei kielevenednek // *Kritika*. 1992. P. 6–10 ; Bozóki A. The Metamorphoses of the Hungarian Democratic Forum // *East European Reporter*. 1992. 5 (2). P. 63–66.
- ²² Csurka I. Néhány gondolat a rendszerváltozás két esztendeje és az MDF új programja kapcsán // *Magyar Fórum*. 1992. August 20. P. 9–16.
- ²³ Csurka I. Keserű hátszág // *Magyar Fórum*. 1992. December 31. P. 8–9.
- ²⁴ Csurka I. Jogunk van arra, hogy törvényt tegyünk // *Magyar Fórum*. 1993. February 18.
- ²⁵ Csurka I. A liberális jogállam hazugsága // *Szárszó Fórum*. 1993. August 25.
- ²⁶ Эта мысль, как будет показано ниже, четко прослеживается в риторике Венгерской партии справедливости и жизни.
- ²⁷ Kis J. Gondolatok a közeljövőről // *Magyar Hírlap*. 1992. December 24.
- ²⁸ Greskovits Cf.B. Dominant Economy, Subordinated Politics: The Absence of Eastern Europe. Working Paper No. 1. CEU: Department of Political Science, 1993 ; see also Greskovits B. *Political Economy of Protest and Patience*. Budapest-New York : Central European University Press, 1997.
- ²⁹ *Torgyán* / ed. by Cf.M. Tarján. Budapest : Danube Budapest Rt., 1991.
- ³⁰ Maczó A. *A nép kalodája*. Budapest : Püski, 1991.
- ³¹ В 1998–2001 гг. Йозеф Тордьан занимал пост министра сельского хозяйства и развития села в правительстве Орбана. Тем не менее могущественная в свое время Партия независимых собственников не набрала и одного процента голосов на выборах 2002 г., таким образом, политическая карьера Тордьана подошла к концу.
- ³² Bozóki A., Sükösd M. Civil társadalom és populizmus a kelet-európai demokratikus átmenetben // *Mozgó Világ*. 1992. 18 (8). P. 100–112.
- ³³ Fehér F., Heller Á. Jobboldali permanens forradalom // Fehér F., Heller Á. *Kelet-Európa “dicsőséges forradalmai”*. Budapest : T-Twins, 1992. P. 197–202.

- ³⁴ Последователи Дьёрдя Крашшо в 1989–1991 гг. состояли в Венгерской октябристской партии.
- ³⁵ Bíró Z. *Elhervadt forradalom*. Budapest : Püski, 1993 ; Pozsgay I. 1989. *Politikuspálya a pártállamban és a rendszerváltásban*. Budapest : Püski, 1993.
- ³⁶ Более подробная информация предложена в *Szárszó Fórum*. 1993. August. 1(1–8). P. 23–30.
- ³⁷ Bauer J. Lakitelektől Kenderesig — és vissza? // *Népszabadság*. 1993. 4. P. 25.
- ³⁸ Körösenyi A. Parlamentáris vagy „elnöki“ kormányzás? Az Orbán-kormány összehasonlító politológiai perspektívából // *Századvég*. 2001. Vol 5. P. 3–38.
- ³⁹ Petőcz G. Forza Hungaria! Olasz-Magyar párhumamok // *Hol a határ? Kampánystratégiaiák és kampányetika* / ed. by M. Sükös, M. Vásárhelyi. Budapest: Élet és Irodalom, 2002. P. 232–240.
- ⁴⁰ Более подробную информацию можно найти в речи, произнесенной Виктором Орбаном в Университете физической культуры 9 апреля 2002 г., см. выпуски *Népszabadság* и *Magyar Nemzet* за 10 апреля 2002 г.
- ⁴¹ Körösenyi Cf.A. Vezérdemokrácia és az antik orátorok // *Demokrácia és politikatudomány a 21. Században* / ed. by M. Szabó. Budapest : Rejtjel, 2002. P. 54–76.
- ⁴² Например, см. интервью Йожефа Дебрецени с Виктором Орбаном после выборов в Debreczeni J. *Orbán Viktor*. Budapest : Osiris, 2002.
- ⁴³ Были сформированы вновь или реанимированы такие группы, как «Совесть 88», движение «Разобщенная Венгрия», а также гражданские группы вроде «Союза за нацию», движения «Вперед, Венгрия!», «Движения апрельской молодежи» и т.п. См.: Papp L.T. Action Hongrie // *Élet és Irodalom*. 2002. August 2 ; Относительно амбивалентных отношений гражданских кругов и Венгерского гражданского союза см.: Elek I. Amatőrség és anarchia a polgári körökben // *Népszabadság*. 2002. October 1.